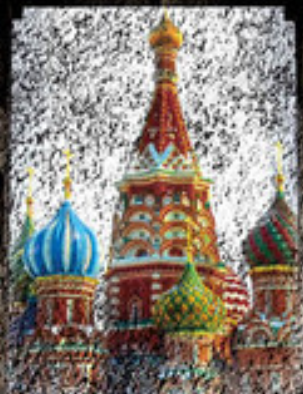

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ГЕОРГИЙ КАТЮК

ИСКОННО РУССКАЯ ЕВРОПА

ОТКУДА МЫ?

Исторические открытия

Георгий Катюк

**Исконно русская
Европа. Откуда мы?**

«Алисторус»

2015

Катюк Г. П.

Исконно русская Европа. Откуда мы? / Г. П. Катюк —
«Алисторус», 2015 — (Исторические открытия)

«Откуда есть пошла» Московская Русь? Где на самом деле княжил Вещий Олег? Кто такие русские и состояли ли они в родстве с монголами? Где историческая прародина «москвитов»? Этими вопросами задается автор книги, приглашая читателей в увлекательное историческое путешествие по землям Рутении (позже Каринтии), Полабской Руси, Норика и др. Г. П. Катюк выявляет не замеченную официальной наукой глубинную связь между этносами Евразии; привлекая данные археологических раскопок, летописей и других источников и проводя различные этимологические аналогии, исследует историю древних воинских орденов, процессы образования и распада древних империй – и в итоге приходит к сенсационным выводам. В частности, выясняется, что большая часть территории современной Европы была исконно русской землей, а Вещий Олег княжил не в Киеве. Непредвзятый взгляд на историю обеспечивает неизменный интерес читателей к книге Г. П. Катюка.

© Катюк Г. П., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

От автора	6
Вступление	7
Глава первая. Эти вездесущие кипчаки	10
1.1. Фоменко и другие, замахнувшиеся на «святое»...	10
1.2. Спорные моменты официального монголоведения	13
Глава вторая. Татары: пастухи или пастыри?	26
2.1. Чудовища вида ужасного...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Георгий Катюк

Исконно русская Европа. Откуда мы?

© Катюк Г.П., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

*Памяти моего друга и учителя Дмитриева Геннадия Михайловича
посвящается...*

От автора

Несколько слов о структуре книги. Задумывалась она как изложение моего видения происхождения монголо-татар и мотивов их деяний. Но по мере написания повествование обросло фактами, указывающими на то, что не только монголо-татары, но и многие другие народы формировались и действовали по сходному принципу. Фактами этими нельзя было пренебречь. Без них рассказ о монголах оказался бы вырванным из исторического контекста и неубедительным. Но при упоминании о происхождении и судьбах кочевых народов пришла мысль об их общих корнях, а с нею – необходимость полемики с националистически настроенной частью исследователей, утверждающих обратное.

Возможно, кому-то речь о роли национализма в искажении истории покажется нудным и не относящимся к делу ригоризмом. Однако обойтись без этого нельзя. Останутся неясными мотивы, которые привели к созданию существующей версии монголо-татарского ига, и повествование не будет выглядеть достоверным.

Я не пытался навязывать кому бы то ни было свое видение вопроса. Структура книги построена так, чтобы у читателя была возможность самому поучаствовать в мыслительном процессе. Окончательный вывод о происхождении монголов прозвучит лишь в последних главах книги. В предыдущих же главах будут представлены факты и рассуждения, позволяющие усомниться в официальной версии. Думающий читатель к концу повествования сам разберется, что к чему.

В первой главе помещен рассказ о нестыковках официального монголоведения и о работах некоторых других авторов в этой сфере, т. е. то, что раньше называлось обзором источников. Сделано это будет в самой общей форме: профессионалу подробный перечень не понадобится, а любителю он будет просто неинтересен.

Вторая глава посвящена выявлению у монголов характерных особенностей, не свойственных азиатам. Будет рассказано об их внешнем виде, бытовых привычках, военном искусстве и религиозных предпочтениях.

В третьей главе представлено описание исторического фона, на котором действовали-«злодействовали» монголы. Речь пойдет о кочевниках вообще и о том, что на самом деле скрывается за понятием кочевничества. Вы найдете здесь рассказ о подлинном происхождении тюрок, русов, венгров, немцев, норманнов, сербов и других так называемых «народов».

Лишь четвертая, заключительная глава покажет истинное лицо монголов. В ней будут представлены доказательства их отнюдь не забайкальского исхода. Монголы, наконец-то, впишутся в исторический контекст, в котором ранее выглядели неким недоразумением.

Хочу предостеречь от превратного понимания книги. Неправ будет тот, кто увидит в ней попытку пересмотреть основы историографии и обвинить историков в непрофессионализме. Основы останутся в целостности и сохранности. Если что-то и будет пересмотрено, так это подход к анализу некоторых исторических фактов и исторического процесса в целом. Точнее, будет предложена новая мотивация этого процесса.

У автора не было стремления изображать историков «плохими парнями». Таковыми в моем понимании являются лишь псевдопатриоты, пытающиеся использовать историю в «воспитательных» целях.

Не призвана историческая наука играть воспитательную роль. Лишь отыскание истины может быть ее целью.

А с воспитанием – это уж как получится.

Вступление

Прекрасная вещь – любовь к Отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к Отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству.

П.Я. Чаадаев

История не всем интересна. Тем более если она древняя. И дело даже не в том, что хороша такая история только на сытый желудок, чем похвастать может далеко не каждый. Главная причина – с трудом прослеживаются ее связи с современностью. Если Вторая мировая война в силу ее прямого влияния на современную политическую картину мира еще как-то может будоражить умы, то перипетиями, например, движения таборитов или восстания Желтых Повязок в Китае интересуются единицы. «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». И даже эти немногие излишне доверяют историческому материалу, и не пытаются подвергнуть его критическому анализу. А ведь они имеют дело не со свершившимися фактами, а всего лишь с их пересказом, причем сделанным далеко не всегда очевидцами и, что уж совсем редко, – добросовестными очевидцами.

Можно ли обойтись без знаний о прошлом и без проверки этих знаний на соответствие истине? Можно, конечно. Но жизнь от этого не изменится к лучшему. Хотим мы этого или нет, прошлое все равно заставит говорить и думать о себе. Дело в том, что ссылки на историю – элемент современной политической борьбы. Этнические конфликты, сепаратистские движения, территориальные претензии государств друг к другу – все это осуществляется под лозунгами восстановления исторической справедливости, а, значит, не обходится без привлечения исторических данных. Не зная истории, трудно рассудить, кто прав, кто виноват в том или ином случае. Да и сами эти конфликты зачастую спровоцированы незнанием или неверным толкованием прошлого. А в том, что история, тем более, древняя, допускает такие толкования, думаю, убеждать никого не надо. Вот и превращается неправильно понятый текст в реальные человеческие жертвы.

Можно не задумываться об истоках ирландского сепаратизма, повстанческого движения тамилы в Шри-Ланке или спора Индии и Пакистана по поводу принадлежности штата Джамму и Кашмир. Это касается нас лишь вскользь. Но задуматься об исторической подоплеке непосредственно затрагивающих нас проблем не мешало бы. И не только для того, чтобы не выглядеть в глазах окружающих дилетантом, а, главным образом, для того, чтобы не стать очередным пленником ксенофобской пропаганды. Ведь именно на дилетантов она и рассчитана.

Одной из таких проблем является, как выразился А. Пушкин, «домашний, старый спор славян между собою». Не секрет, что славяне издавна не могут найти между собой общий язык. После развала Союза, когда нормой стала извращенная национальная гордость, ситуация обострилась. Это поддерживается Западом, заинтересованным в дезинтеграции Востока. Для того чтобы еще более рассорить славянские народы, оттолкнуть их от Москвы, в обиход запущена байка о злых «москалях», веками угнетавших белых и пушистых украинцев и белорусов. «Москаля» при этом объявляются кем угодно, только не славянами. Одни опусы рисуют их угро-финнами по происхождению, такими же дремучими, как и леса Волго-Окского междуречья, откуда они будто бы родом, другие – чуть ли не монголо-татарами, государство которых, Московия, являлась улусом Золотой Орды. Чаще же всего они предстают в виде чудовищного

симбиоза тех и других, отравлявшего существование окрестных народов и подарившего миру «немытую Россию – страну рабов, страну господ», плохие дороги и дураков.

Вообще-то, байка эта не нова. Родилась она еще во времена противостояния Речи Посполитой и Московского царства в XVI в., а может и раньше. Причиной противостояния стала Украина. Именно ее жителей польские власти стали усиленно приучать к мысли о том, что к русским они никакого отношения не имеют, что русские им никакие не братья, а абсолютно чуждый народ, дикари и варвары. Предполагалось, что после такой обработки русинов, – а именно так тогда назывались украинцы, – легче будет перетянуть на свою сторону.

Но, как известно, потуги католических режиссеров не увенчались успехом. Затея эта успешно провалилась и закончилась разделом Польши.

Позже, уже в начале XX века, сходная ситуация возникла в западных областях Украины, входивших тогда в Австро-Венгерскую империю. Тогда, накануне Первой мировой, понадобилось нейтрализовать возможных союзников России внутри Австро-Венгрии, каковыми были русины Галиции и Буковины. Всеми правдами и неправдами последних стали отвращать от России. Навязывание чуждого названия, «украинцы» было лишь одним из приемов. Еще одним стал переход к фонетическому правописанию, призванный придать языку русинов уникальности. То есть слова должны были писаться так, как слышались. Так украинский язык перестал быть похожим на русский¹. Особо упорствующих, так называемых «москвофилов», бросали в концлагеря. Известны два из них – Терезин и Талергоф, где одной из излюбленных пыток было подвешивание за ногу.

Но и на этот раз не сработало. Австро-Венгрия не только потеряла Украину, но и, вслед за Речью Посполитой, вообще прекратила существование. Однако миф о «кровожадных москалях» и их логове – мрачной «стране Моксель», стоящей среди подернутых туманом финских болот, оказался более живучим. Образ этой страны – средоточия всех зол, врага всего прогрессивного человечества, исправно эксплуатируется и по сей день.

Насколько несерьезны данные представления, можно судить уже по аргументам, с помощью которых их обосновывают. Например, некто Голденков приходит к мысли о том, что «москали» – это абсолютно чуждый белорусам народ, с помощью следующих нехитрых соображений: «Переехав из Томска в Минск, я, будучи еще мальчишкой, сделал одно удивительное для себя открытие: белорусские народные танцы, песни, костюмы вовсе не являлись братом-близнецом русскому фольклору. Они походили на польские или чешские, но никак не на русские песни и костюмы, на которые больше был похож концерт одной заезжей в Минск фольклорной финской группы!

Я был не на шутку заинтригован разницей в таких, казалось бы, близких восточнославянских культурах, как белорусская и русская. Понимание, что это в самом деле абсолютно не родственные культуры, пришло значительно позже»².

Историки предпочитают отмалчиваться в этих вопросах, считая, что по-детски наивная аргументация не способна прибавить этим взглядам сторонников. Они это делают напрасно. Даже некоторые ученые попадают на удочку ксенофобии, а о людях, далеких от науки, вообще говорить не приходится. Если мутный поток подобных «удивительных открытий» ежедневно выливает на их головы с телеэкранов и газетных полос, то это, в конце концов, сделает свое черное дело.

Но живучесть образа «злого москаля» поддерживается и более серьезными аргументами. Одним из них является классическая версия истории монголо-татарских походов, созданная стараниями профессиональных историков. Причем держатся за нее, как ни странно, не только

¹ Данная политика продолжается и сейчас. Все эти «гвынтокрылы» и «автивки» призваны убедить человечество в том, что украинская «мова» не имеет ничего общего с русским языком, являясь абсолютно «самостийной».

² Голденков М. Русь – другая история. Минск: Современная школа, 2008. С. 163–164.

недруги России, но и сами россияне. Тяжело, видимо, расстаться со стереотипом каменной стены, о которую разбились монгольские орды на пути в Европу.

Для недругов же России эта история стала настоящей находкой. Включив в генеалогию россиян дальневосточных «дикарей», они добились потрясающих результатов в пропаганде русофобии. И действительно, классическая история дает некоторый повод к такому пониманию. Ведь русские были не только данниками монголов, но частенько выступали с ними в тесном союзе против общих врагов, что позволяет усматривать в этом и проявление их этнического единства.

Так ли все это? Действительно ли Московское царство – правопреемник Монгольской империи? Состояли ли монголы в родстве с русскими? И были ли эти монголы дальневосточными дикарями, как о том рассказывают учебники и литература для внеклассного чтения?

Как видно, проблема происхождения монголо-татар, русских и некоторых других народов Евразии не потеряла актуальности и в наши дни. Но не только и не столько желанием ответить на инсинуации националистического толка продиктована эта книга. Проблема интересна сама по себе, ибо выявляет некую глубинную связь между этносами, связь, не замеченную историками-традиционалистами и заставляющую по-новому взглянуть на мотивацию исторических процессов...

Глава первая. Эти вездесущие кипчаки

1.1. Фоменко и другие, замахнувшиеся на «святое»...

История монголо-татарских завоеваний вызывает много нареканий по части правдоподобия. Кто только ни пытался ее лягнуть, предложив свое объяснение случившегося! Притом, в самом факте завоеваний практически никто не сомневается, его интерпретация (причины, этническая принадлежность монголов) не вяжется с историческими реалиями того времени и является, на мой взгляд, типичным образчиком идеологического подхода к истории.

Из числа наиболее известных оппонентов официальной версии можно упомянуть «новохронологов» А. Фоменко и Г. Носовского, участников проекта «Хронотрон» (С. Валянский, Д. Калужный, Я. Кеслер, А. Жабинский и др.), писателя А. Бушкова.

При всех отличиях выдвинутых ими теорий есть нечто, их объединяющее. Это мысль о невозможности исхода монголо-татар из далекого Забайкалья, родины современных халха-монголов. Монголы были либо русскими по версии А. Фоменко и Г. Носовского, с чем с некоторыми оговорками согласен и А. Бушков, либо западными европейцами, пришедшими на Русь в составе католических орденов. Последнее мнение было высказано народовольцем Н.А. Морозовым (1854–1946) и получило распространение в трудах его современных последователей – уже упомянутых выше участников группы «Хронотрон». Согласно этому мнению, Чингисхан – это предводитель крестового воинства, если не сам папа римский, а поход монголов на Русь – это один из эпизодов 4-го крестового похода на Византию.

Все эти теории подвергаются яростным нападкам со стороны историков традиционной школы. Особое раздражение вызывает «Новая хронология» А. Фоменко и Г. Носовского. И действительно, она не во всем безупречна. Несколько произвольны, например, этимологические построения «новохронологов». Натянутой выглядит их концепция «Русско-Ордынской империи». Трудно представить вообще существование какой-либо империи в те времена. Империя – это, в первую очередь, огромные расстояния. Но никакой силой провинции, далеко отстоящие от центра и не имеющие с ним достаточно надежной связи, не удержать в повиновении. Те «империи», которые могли существовать и существовали в то время, – Римская империя германской нации, Латинская империя, Никейская империя Ласкариса – Ватаца, – были на самом деле локальными образованиями, оспаривающими между собой право называться «империей».

Да и сам факт наличия в прошлом такого гигантского государства как «Русь-Орда» нелегко было бы скрыть от общественности даже при наличии огромной армии «фальсификаторов».

И все же во всем этом есть рациональное зерно. Это – положение о наличии в древности русско-тюркского единства. Правда, выражено оно не всегда последовательно. И вряд ли данное единство имело что-либо общее с империей, как это представлено у Фоменко.

Кстати, положение о единстве перекликается с идеей тюркского прошлого у славян Мурата Аджи, что наводит на мысль о его справедливости.

Несколько слов по поводу взглядов М. Аджи, также вложившего определенную лепту в критику традиционного монголоведения. Результаты его поисков не во всем идеальны. Наличие у тюрков религии креста и прочих атрибутов христианства вовсе не говорит о заимствовании у них европейцами идеи христианства. Это равным образом может свидетельствовать и о том, как далеко проникали католические и прочие религиозные миссии на восток.

Не вызывает удивления и образ размахивающего шашкой кипчака³. С трудом верится в то, что именно данные кавалеристы «научили Европу плавить железо и мастерить изделия из него», «носить рубашки и брюки, мыться в бане», пользоваться ложкой и вилок, тогда как «даже римские императоры ели, кажется, только руками»⁴. Идея превосходства тюрков над другими народами не имеет ничего общего с исторической правдой. Тем более это касается кипчаков, которые, в отличие, например, от тюрков-сельджуков, не только свою державу не создали, но и не сумели даже имени своего сохранить до настоящего времени. Объяснение этого происками папы римского и коварных «москалей» малоудовлетворительно. Но читать все равно интересно, поскольку вниманию предлагается малоисследованный пласт истории, связанный с распространением тюркского влияния в Азии и Восточной Европе.

Вернемся, однако, к «новохронологам». Теорию Фоменко – Носовского в ее монгольском аспекте можно свести к следующим основным положениям.

Современная версия монголо-татарского ига создана в XVIII в. усилиями российских историков немецкого происхождения – Миллера, Байера, Шлецера и др. В соответствии с ней Русь в XIII в. была завоевана иноземными захватчиками – монголо-татарами, прародина которых располагалась на месте современной Монголии. Империя, созданная монголами, простиралась от завоеванного ими Китая чуть ли не до Западной Европы.

Эта версия не выдерживает никакой критики. Утверждая это, А. Фоменко ссылается на мнение Л.Н. Гумилева, который «открыто» заявил, что теория о монголо-татарском иге на Руси (в ее привычной, миллеровской версии) не имеет под собой никаких документальных оснований, не подтверждается ни русскими, ни иностранными свидетельствами современников.

В частности, в своих публичных лекциях в начале 80-х годов (например, в Институте атомной энергии АН СССР имени И. Курчатова) он справедливо отмечал, что теория о монголо-татарском иге на Руси была создана лишь в XVIII в. иностранцами (Байером, Миллером, Шлецером) в ответ на определенный «социальный заказ», под влиянием идей о якобы «рабском происхождении русских»⁵.

Согласно «Новой хронологии» средневековые Русь и Монголия – одно и то же. Если быть более точным, «монголы» или «Орда» – это южнорусское казачество, выполнявшее роль регулярного войска Руси. Русь – это мирное оседлое население, управляемое князьями. Другое дело – Орда. «Во главе Орды стоял царь или хан. Ему принадлежала верховная власть в государстве. То есть в Русском государстве этого периода действовали рука об руку две администрации: военная в Орде и гражданская на местах»⁶.

Монголо-татарское нашествие – это не захват Руси иноземцами, а процесс объединения двух ее частей, сопровождаемый гражданской войной и усилением роли царей. «Царская династия Ивана Калиты XIV–XVI веков – это и есть династия ханов – царей Орды. Поэтому она

³ Кипчаки, по мнению ученых – тюркоязычный этнос, с XI в. занимавший территорию от Дуная до западных отрогов Тянь-Шаня. В русских летописях – половцы. В западноевропейских – куманы. Якобы скотоводы. Вместе с тем эти скотоводы составляли привилегированные прослойки многих армий мира, а их предводители входили в круг мировых элит. Например, мать хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша была кипчакская княжна Теркен-хатун. Удачно пристроил свое потомство половецкий хан Котян – союзник русских в битве на Калке. Одна из его дочерей была замужем за галицким князем Мстиславом Удалым. Еще одна дочь, Елизавета, стала женой Стефана V Венгерского, потомки которого – дочь Мария Венгерская и сын Ладислас IV Кипчакский породнились с представителем Анжуйской династии – Карлом II Неаполитанским. Так род Котяна вошел в семью европейских королевских родов. В числе его потомков по линии Марии Венгерской и Карла II были, например, французская королева Изабелла Баварская и Карл VII – французский король.

⁴ *Аджи Мурад*. Полюнь Половецкого поля. М.: АСТ, 2006. С. 42.

⁵ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? (В 5-ти томах). М.: Изд-во «Олимп», 2002. Т. 2. С. 78.

⁶ Там же. С. 79.

может быть условно названа Ордынской династией (это – наш термин). Еще раз повторим, что это была *русская*, а не какая-то иноплеменная династия»⁷.

На смену Ордынской династии пришла династия Романовых, представители которой были родом из Западной Руси (Литвы). Новой династии, чтобы упрочить положение на троне, надо было представить «ордынцев» в качестве врагов Руси, «злых захватчиков», что и было сделано историками немецкой школы.

Так и «уехало» название «Монголия» в далекое Забайкалье, став обозначением народа, к монголо-татарскому игу отношения не имеющего.

Вот вкратце и вся суть взглядов Фоменко – Носовского на монгольскую проблему, со многими из которых трудно не согласиться. Позиция группы «Хронотрон», на мой взгляд, еще более безупречна. Однако лучше было бы объединить эти, казалось бы, диаметрально противоположные версии. Это будет сделать не сложно: на самом деле между крестоносцами Валянского и «русскими ордынцами» Фоменко не так уж много различий.

⁷ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим... С. 82.

1.2. Спорные моменты официального монголоведения

*Верую, ибо абсурдно.
Тертуллиан*

В предыдущем разделе уже говорилось о невозможности построения в древности сколько-нибудь действенного и прочного государственного образования в огромных масштабах. Контролировать большие территории с помощью оружия в те времена было практически невозможно. Не было для этого соответствующих средств связи. Имеющиеся на тот момент «империи» были лишь по названию таковыми. В действительности же они в непрерывных войнах оспаривали между собой право называться империями и существовали непродолжительное время.

Не была здесь исключением и «империя» монголо-татар, которая также просуществовала недолго, развалившись в результате династических распрей и сепаратизма окраин. Начало временного отрезка, в котором монгольское государство существовало именно в качестве «империи», т. е. межгосударственного образования, некоторые историки, например Р.П. Храпачевский, датируют 1207 годом. Именно в этом году монголы совершили свои первые походы за пределы собственно монгольской степи, нанеся поражение тангутам⁸, а также неким «лесным народам». Конец империи тот же Р.П. Храпачевский относит на 1267 год, когда хан Золотой Орды Менгу-Тимур начинает чеканить собственную монету, т. е. объявляет независимость от великого хана в Каракоруме. В этом случае период существования монгольской империи составляет всего 60 лет.

Не будет большой натяжкой и включение в этот период истории Золотой Орды вплоть до ее распада в 1372 году, ознаменовавшегося возникновением царства Мамай в междуречье Дона и Днепра, или даже до знаменитой Куликовской битвы в 1380 году. Ведь все это время Золотая Орда, оставаясь правопреемницей Великого Монгольского Улуса, не переставала выдавать ярлыки на княжение русским князьям, а значит, не теряла черт своей «имперскости».

Таким образом, хронологические рамки данной империи раздвигаются до 173 лет, что вполне отвечает духу и букве того времени. Основной вопрос, который возникает по поводу истории монголо-татарских завоеваний, заключается в другом: была ли эта империя столь пространной в географическом смысле, как о том сообщает традиционная история? Ведь если верить тому, что центр ее находился в Забайкалье, в междуречье Онона и Керулена, то протяженность ее до западных окраин составляет около 7000 км, что придает известную фантастичность описаниям монголо-татарских походов, совершенных к тому же с небывалой стремительностью.

Каким образом могло осуществляться взаимодействие между отдаленными частями этого огромного образования? На таких расстояниях даже голубиная почта не срабатывает. Нам предлагают поверить, что по этим бескрайним просторам непрерывно сновали на лошаденках тысячи гонцов, доставляя во все концы оперативную информацию. Но какую ценность может иметь информация, полученная адресатом как минимум через год после ее отправки? И где археологические подтверждения наличия в прошлом ямского тракта, связывающего «окраины» империи, тот же Суздаль или Новгород, с «большой землей» – Каракорумом?

Нельзя всерьез воспринимать сообщения и о том, например, что новгородский князь Александр Невский затратил семь лет на поездку в Каракорум за ярлыком на великое княже-

⁸ *Тангуты* – представители государства Си-Ся, якобы основанного ими в Северном Китае в 982 г. со столицей Хара-Хото. К XVI в. оказались ассимилированными китайцами, монголами и тибетцами. Но еще в XIX в. тангуты упоминаются русским путешественником Н.М. Пржевальским (1839–1888), как часть тибетцев китайской провинции Цинхай. Тангуты по описаниям Н.М. Пржевальского – европеоиды.

ние. То же самое можно сказать и о поездках ростовского князя Бориса Васильевича (1231–1277 гг.), который дважды побывал в Каракоруме и восемь раз в Сарае на Волге. И все это за каких-то четырнадцать лет княжения! Такие поездки более характерны для кругосветных путешествий, нежели для деятельности, связанной с правлением.

Последний случай вообще – из серии исторических курьезов. Если взять за точку отсчета время, затраченное Александром Невским на поездку в Каракорум, т. е. семь лет, то за четырнадцать лет княжения Борис Васильевич успел бы только дважды побывать в Каракоруме, и ни разу – в Сарае. Да и «покняжить» ему, кажется, не пришлось бы. Ведь все время своего княжения он бы провел в седле.

А как отнестись к следующему сообщению? В сентябре 1246 года в Каракоруме регентшей Туракиной, вдовой хана Угэдея (1186–1241), был отравлен князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Так, по крайней мере, утверждает Плано Карпини⁹, бывший, якобы, очевидцем данного происшествия. По его свидетельству, князь скончался на седьмой день после пира, устроенного Туракиной, в отведенной ему юрте. Тело его при этом «удивительным образом посинело». А вот похороны убиенного состоялись уже во Владимире, вотчине Ярослава, куда тело прибыло в апреле 1247 года, как о том свидетельствует Лаврентьевская летопись. То есть тело пробыло в пути 7–8 месяцев, что по здравом размышлении представляется совершенно невероятным!

Смерть Ярослава вообще окутана массой загадок. Есть, например, традиция, освященная еще Л. Гумилевым, видеть ее причины в сношениях князя с папой Иннокентием IV. Туракина, дескать, их не приветствовала, видя в католиках своих врагов. В то же время в ханской ставке совершенно спокойно проживал и действовал в угоду апостольскому престолу вышеупомянутый легат Иоанн де Плано Карпини.

Имеются расхождения и в обстоятельствах гибели князя. Так, Лаврентьевская летопись в отличие от Плано Карпини, говорит о том, что погиб князь «идя от канович месяца сентября на память святого Григория», т. е. не в самой ставке, а по пути из нее на родину.

Все это активно обсуждается. Не обсуждается только одно: как труп мог преодолеть расстояние от Каракорума до Владимира?

Впрочем, принимаются за чистую монету не только идеи о гигантской протяженности монгольской империи, но и представления о небывалой стремительности монгольских завоеваний.

Несколько слов о скорости монгольских походов.

С 1206 года, т. е. с момента, когда Тэмуджин (Темучин) на большом курултае был объявлен великим ханом, до выделения Золотой Орды в самостоятельный улус в 1267 году, каждый год истории монгольской державы отмечен каким-либо завоеванием или присоединением территории. Такую насыщенность кровопролитиями в единицу времени трудно представить даже человеку, знакомому с кровавой историей крестовых походов и прочими войнами Средневековья. Вот краткая хронология монгольских завоеваний.

1207–1210 гг. – разгром тангутов и «лесных народов», присоединение ойратов, поражение меркитов и найманов, добровольное присоединение уйгуров и карлуков;

1211–1218 гг. – войны с Цзинь, взятие Пекина, подавление мятежа туматов, разгром Кучлук-хана;

1219–1221 гг. – завоевание Хорезма, Хорасана и Ирана;

1222–1223 гг. – поход в Афганистан, в долину реки Инд, разгром аланов и половцев в северном Причерноморье, поражение русско-половецкой коалиции на Калке;

⁹ Иоанн (Джованни) де Плано Карпини (1182–1252) – итальянский монах-францисканец, первым из европейцев по поручению папы Иннокентия IV побывавший в столице монголов – Каракоруме. Произошло это в 1245 г. Свои впечатления зафиксировал в труде «История Монгалов, которых мы называем Татарами».

1224–1231 гг. – войны в Центральном Улусе, разгром тангутского государства Си-Ся, гибель самого упорного врага монголов султана Джелал-ад-Дина, подчинение Кореи;

1232–1236 гг. – окончательный разгром Цзинь, Булгара;

1237–1246 гг. – нашествие Батия на Русь (взятие Рязани, Москвы, Козельска, бесчинства в Черниговском и Переяславском княжествах, разгром Киева), великий западный поход монголов в Польшу, Венгрию, Чехию с выходом к Адриатическому морю;

1248–1258 гг. – война с империей Сун, взятие Багдада ханом Хулагу;

1259–1267 гг. – череда непрерывных междоусобиц в империи (война между хулагуидами и Золотой Ордой, между Хубилаем и Золотой Ордой, выделение Золотой Орды в самостоятельный улус при Менгу-Темуре).

Подобная «прыть» монгольских скотоводов не могла вызвать у некоторых исследователей ничего, кроме естественного недоумения. Вот что писал по этому поводу монголовед К.П. Патканов: «Выйдя из глубины Монголии в начале XIII века, они в короткое время, с неизвестною ни до, ни после быстротою, завоевали чуть ли не все государства Азии и Европы до Вислы, покрыв их развалинами и оросив кровью жителей. Не прошло и двух веков, и те же монголы частью сделались рабами поработенных ими народов, частью возвратились на родину и обратились в то же пастушеское состояние, из которого вывел их гений Чингиза...»

А вот как выразил свое удивление по этому же поводу Ибн аль-Асир, современник описываемых событий: «Удалось этим татарам то, чему подобного не слыхано ни в древнее время, ни в новое. Выступает толпа из пределов Китая; не проходит и года, как часть ее победоносно добирается до земель Армении, а со стороны амадама заходит за Ирак. Клянусь Аллахом! Я не сомневаюсь, что кто будет жить после нас и увидит это описание, тот станет отрицать его, сочтет за небылицу и будет правда на его стороне».

Лучше всего характеризует масштабность и невероятную стремительность монгольских «перекочевок» история их походов в Хорезме. Наиболее пространное ее изложение содержится в труде современника этих событий Шихаб Ад-дина Мухаммада ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны».

Ценность этого труда – не только в пространном изложении. На его примере можно увидеть, как из мухи делают слона, даже не стремясь к этому сознательно. Читая его, нельзя отделаться от мысли, что действие разворачивается на территории, не превосходящей размерами территорию современной Польши, тогда как, по мнению автора, речь идет о расстояниях, сопоставимых с масштабами бывшего СССР.

Вот как описывается в труде местопребывание монголов и география их перекочевок. Монголия, по мнению Насави, находится в Китае, великим ханом которого является Алтун-хан. Сами монголы – это отнюдь не монголы, а китайцы (аль-хитай), «тюркское племя» (!!!). Родиной их является местность под названием Аргун. Что имел здесь в виду Насави – неизвестно. Сейчас считается, что это река Аргунь, приток Шилки, протекающая вблизи озера Далайнор в Забайкалье. Также считается, что Алтун-хан на самом деле был императором чжурчжэней¹⁰, которых некоторые, например Л.Н. Гумилев, полагают за предков современных маньчжуров. Чжурчжэни не были китайцами, а были когда-то вассалами кара-китаев (киданий). Ну уж последние-то наверняка были китайцами, судя хотя бы по названию? И опять промах. Они были тюрками Семиречья (нынешние Казахстан и Киргизия), примыкавшего к тогдашнему Хорезму. Сюда их, якобы, оттеснили взбунтовавшиеся чжурчжэни. Здесь кидани, так сказать, в память о своей китайской прародине, основали еще одну «китайскую империю» – Западное Ляо. Получается, Алтун-хан со товарищи, будучи по сути китайцами, – они

¹⁰ Чжурчжэни – тунгусские племена, будто бы населявшие ранее территорию Маньчжурии, в т. ч. Приморского края. В 1115 г. на территории Северного Китая основали государство Цзинь (Золотое), которое было разгромлено монголами в 1234 г. Чжурчжэньский язык принадлежал к числу тунгусо-маньчжурских языков алтайской языковой семьи.

были обитателями Северного Китая (Цзинь), – являются чжурчжэнями, тогда как кара-китай, наоборот, только по названию китайцы, а по сути – тюрки, не имеющие к Китаю никакого отношения.

От этого обилия китайских империй без китайцев (Цзинь, Вэй, Ляо), расположенных к тому же за тысячи километров друг от друга, голова кругом идет.

Вся эта словесная эквилибристика с трудом втискивается в современные представления о монголах и их прародине. Собственно говоря, монголов здесь и нет. Есть татары. Именно так Насави называет соплеменников Чингисхана. Это также вызывает недоумение. Ведь другие источники нам сообщают, что татары – это недруги монголов, ими в конце концов и уничтоженные.

Рассказ о расстояниях, преодолеваемых монголами в единицу времени, окончательно запутывает ситуацию. Спросите у современного скотовода, не желает ли он откочевать со своими стадами на зиму «в теплые края» за три тысячи километров от своей яранги, и он покрутит пальцем у виска. А вот монголам (кара-китайам, чжурчжэням, татарам) это по плечу. Вот что пишет Насави о перемещениях последних: «Обычно они находились в Тамгадже, а это самая середина ас-Сина, и в окружающих местностях и перебирались в течение лета с одной стоянки на другую, переходя из области в область до тех пор, пока не наступала зима с ее мрачным лицом, а тогда они переходили воды Ганга вблизи Кашмира, останавливаясь на зимовку в прибрежной местности с ее прекрасными долинами и возвышенностями, подобных которым нет в других краях».

Посмотрите на карту (рис. 1) и вы увидите, что империя чжурчжэней (Северный Китай), в которую входили кочевья «проклятых ат-темурчи», т. е. монголов Чингисхана по Насави, отстоит от Кашмира примерно на три тысячи километров!

Попутно возникает вопрос. Если уж чжурчжэньским ханам так приглянулся Кашмир с его «прекрасными долинами и возвышенностями», то к чему им возвращаться в мрачную и безжизненную пустыню Гоби? Там что, медом намазано? И где все-таки находилась эта «империя чжурчжэней» с кочевавшими по ней монголами?

Подобные вопросы можно задать и в отношении Каракорума. Если уж монголы не пожалели, так сказать, «живота своего» для завоевания таких благодатных областей Восточной Европы как Волго-Донское междуречье, Приднепровье, Дунайско-Карпатский регион, то для чего им возводить столицу в забайкальской глуши? Неужто великим ханам, подмявшим под себя полмира, там самое место? Историки объясняют этот иррационализм поведенческим стереотипом монголов. Они-де к хорошему не привыкли. Их стихия – безжизненные отроги Большого Хингана. Согласен. Мазохизм – не такое уж редкое явление в нашей жизни. Но тогда зачем было кровь проливать? Неужто из этих же мазохистских соображений?

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Что еще поражает в данном «жизнеописании»? Будничность, с которой автором описывается явление монголов в Хорезме. Не отмечается ни монголоидность захватчиков, ни отличие их языка от языка местных племен, ни вообще какие бы то ни были национальные особенности. Складывается впечатление, что монголы (татары, в интерпретации Насави) ниоткуда не приходили, а были местными жителями, рыскавшими где-то неподалеку. Чуть зазевался – и вот уже монгольский сапог топчет священную землю Аллаха. Так оно и выходит, если принять за правду то, что «аль-хитай», к которым принадлежал по Насави и род Чингисхана, – это кара-китай (кидани) Восточного Туркестана, соседи хорезмийцев. Только в этом случае отнесение монголов к вассалам чжурчжэней, а тех, в свою очередь, к взбунтовавшимся вассалам киданей, не будет выглядеть натянутым в смысле расстояний. Ведь дорога из Казахстана в Кашмир в три раза короче, чем из Забайкалья, что придает больше реализма таким путешествиям.

Похоже, не Насави раздул миф о масштабности монгольских завоеваний, а его современные комментаторы. Это они упрятали монголов в их забайкальский «медвежий угол», раздвинув, таким образом, рамки «империи».

Вызывают интерес в связи с этим попытки казахских товарищей «отыскать» в Казахстане прародину монголов и вообще представить Чингисхана казахом. Но на этом мы останавливаться не будем, несмотря на то, что эта версия выглядит убедительней забайкальской. У нее тоже есть ряд недостатков.

Вообще, хорезмийская эпопея монголов – верх неправдоподобия. Здесь все вызывает недоумение – от количества захваченных и преданных грабежу городов и смешных сроков, в которые укладывалось все это действо, до убожества применявшихся при этом военных приемов. В сжатые сроки было захвачено и разрушено более тридцати хорошо укрепленных городов в Средней Азии, Афганистане и Индии. При этом население этих городов почти поголовно вырезалось. А оно, если верить хроникам, было немалым даже по тем, скудным людскими ресурсами, временам.

Например, в захваченном Самарканде было убито по приказу Чингисхана более 30 000 человек, тысячи ремесленников были угнаны в рабство. Самым смешным при этом, если, конечно, можно так выразиться в данной ситуации, выглядит то, что с оставшихся в живых монголы потребовали выкуп в 200 тыс. динаров.

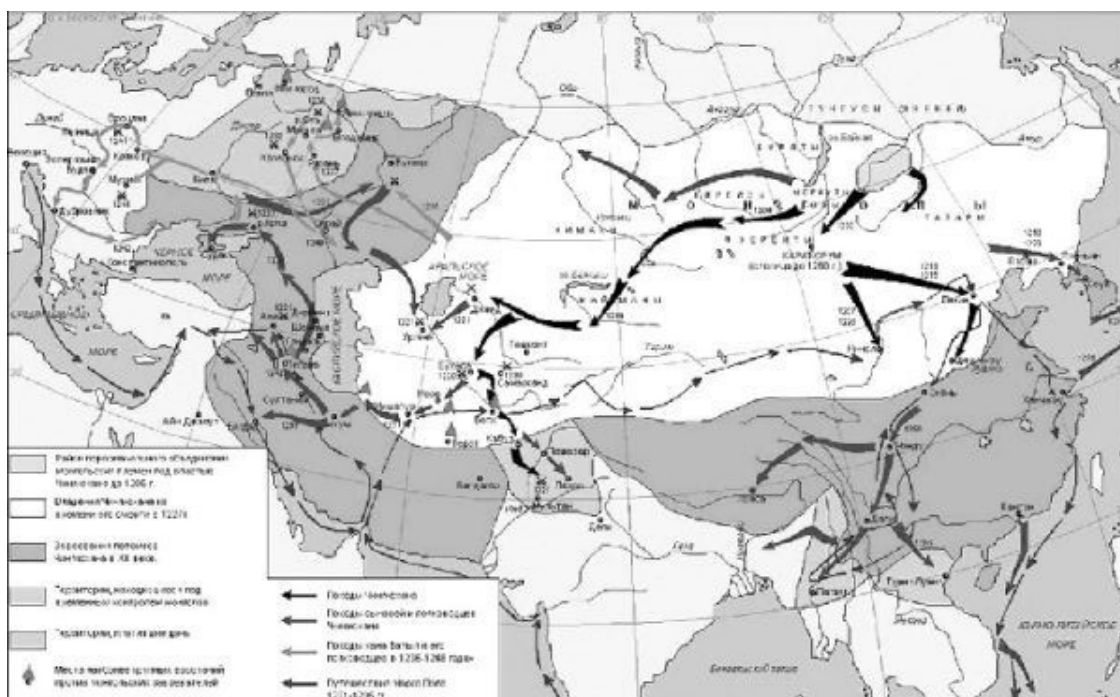

Рис. 1. Карта монгольских походов (XIII в.)

Никакой логики. Почему и этих не прикончили и не взяли все сами? Или «рука бойцов колоть устала»? Если же все-таки проснулось человеколюбие в этих очерстевших душах, то почему это не произошло раньше, когда убивали остальных?

Какими силами осуществлялись оные захваты и истребление себе подобных? Так ли уж высок был военный потенциал монголов, как о том восторженно пишут некоторые современные авторы?

Рассмотрим так называемое «военное искусство» монголов. Оно сводилось к трем незамысловатым вещам: набор «хашара», т. е. толпы из пленных, используемых на осадных работах, притворное отступление, применение осадных орудий. То и дело читаешь в хрониках:

«монголы притворно отступили», «заманили ложным бегством», «заманили в засаду». Складывается впечатление, что их противники были полными идиотами, всякий раз наступавшими на одни и те же грабли. К тому же все кочевники в то время владели данным «эксклюзивным» приемом. Взять хотя бы тех же половцев. Но именно их почему-то разбили монголы с его помощью в битве на Калке.

Что касается осадных орудий, то представляется невероятным, чтобы для их изготовления можно было найти достаточно древесины в пустынях Хорасана и Мазандарана. Зато ее много в забайкальской глуши.

Уж не тащили ли монголы эти орудия со своей исторической родины аж до самого Кавказа?

Использование «хашара» в первых рядах наступающих, или на осадных работах – вообще вещь невероятная. Она становится тем более невероятной, когда узнаешь о численности людей в хашаре и основной войске. Например, при осаде Ходжента по свидетельству персидского историка Рашид ад-Дина (1247–1318) было задействовано пятьдесят тысяч хашара из местного населения и всего двадцать тысяч монголов. Да при первой же возможности эта толпа разбежалась бы, перебив к тому же охрану!

Можно приурочить к этому и рассказы о «выдающихся» способностях монголов в области дипломатии. Поговаривают, особенно сведущ был в этом Субэдэй-багатур, главный полководец Чингисхана. Именно этот «гений дипломатии» разрушил антимонгольский союз аланов и кипчаков при вторжении монголов на Северный Кавказ в 1222 году. А сделал он это довольно просто, сообщив через парламентариев кипчакам, что монгол и кипчак – братья навек, что они-де одной крови, а вот аланы-то им как раз чужие, и от союза с ними следует отказаться, дабы чего не вышло и т. д., и т. п. Такая вот нехитрая дипломатия. Что интересно – кипчаки на эту «удочку» клюнули и покинули аланов. Последние, естественно, были монголами биты.

Данный «тонкий» дипломатический прием был использован монголами и в битве на Калке. Здесь они сообщили через парламентариев русским, что идут на половцев, как на своих «холопов» и «конюхов», что к русским у них претензий нет, поскольку те с ними одной веры. Вдобавок предложили вместе с ними бить половцев и грабить их добро: «товары емлите себе». Удивляет наличие у заезжих гастролеров сведений об отношениях между половцами и русскими: «Занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша». Удивляет также следующее обстоятельство. Как это местные, до боли знакомые половцы, живущие десятилетиями чуть ли не попеременно с русскими, в одночасье стали «холопами» и «конюхами» чужестранцев, которых здесь даже не знали как называть первое время?

Впрочем, на этот раз «дипломатия» не сработала: русские и половцы все-таки выступили совместно против монголов. Спрашивается, что такого гениального было в «гении Чингисхана», позволившего его войскам в столь сжатые сроки (три года ушло на завоевание Хорезма) пользуясь убогим набором приемов захватить столь обширные территории? Операции эти были настолько однообразны и безыскусны, что ан-Насави это побудило сказать: «Если бы я рассказал об этом подробно, то ничего не пришлось бы изменять, кроме имени осаждавшего и осажденного». К тому же количественное соотношение сил при этом было явно не в пользу монголов.

Несколько слов о рейде Субэдэя и Чжебэ на запад, частным случаем которого явились отмеченные события на Кавказе и Калке. Данный поход начался с погони за хорезмшахом Мухаммедом ибн Текешем в 1220 году из Бухары. Требовалось наказать его за ограбление монгольского купеческого каравана в Отраре и убийство послов. После ряда непрерывных боев, неизменно заканчивающихся победами монголов, последние прибыли к южному побережью Каспия, проводив хорезмшаха в «последний путь», на остров Абескун, где тот скончался в декабре 1220 года. Тут бы им и назад податься – ведь задача-то выполнена, да и силушки на исходе. Пройдено ни много, ни мало – тысяча с лишним километров. Ан нет. Некогда раны

зализывать. И вот уже погоня за несчастным Мухаммедом плавно выливается в завоевание Аррана, Азербайджана, Ирака и Ширвана. Как бы между прочим. Ведь в начале акции цель такая не ставилась.

Здесь возникает масса вопросов. Уже сама такая погоня – вещь невероятная. Она теряет смысл, как только преследуемый исчезает из виду. С большим трудом можно представить себе погоню на расстоянии в тысячу с лишним километров. Еще труднее вообразить покорение огромных территорий после такой скачки двумя туменами измотанного в боях войска, не насчитывающего и 20 000 сабель. Арран, Азербайджан, Ирак, Ширван и Грузия – это не предел. После покорения этих стран монголы, как двужилые, ринулись на Северный Кавказ покорять аланов и кипчаков. Тут уже в их действиях прозвучал новый мотив – месть кипчакам то ли за то, что они когда-то приютили у себя меркитов, выкравших невесту Чингисхана Борте, то ли за то, что сражались в войске хорезмшаха. Нет никакого сомнения в том, что эти мотивы «притянуты за уши», поскольку войска самих монголов большей частью состояли из кипчаков.

Исходя из всего этого, можно считать операции монголов в Хорезме верхом бессмысленности и пустой тратой сил. Полагают, что монголы даже не знали, что делать с завоеванными территориями. Пограбили и ушли, не оставив даже гарнизонов в захваченных городах. Зачем кровь проливали свою и чужую? Сказывают, поход Субэдэя и Чжебэ был разведывательным рейдом, такой себе маленькой разведкой боем. А как тогда назвать поход Наполеона на Москву, который по масштабам проигрывал данному рейду? Пограничной стычкой?

Кстати, насчет похода Наполеона. Причины провала его известны. Походы на дальние расстояния по вражеской территории всегда чреваты плачевным для захватчиков исходом. Не вышла за рамки данного правила и московская эпопея великого корсиканца. С чего бы это походам Чингисхана быть здесь исключением? Но историки, среди которых есть даже военные эксперты, твердят, что именно так и было, и летописям надо верить безоговорочно. Аргументы при этом выдвигаются железобетонные. «Тем не менее, история Чингисхана и монголов правдива, – пишет А. Балод, – и подтверждается многочисленными свидетельствами. *Правдива именно в силу своей фантастичности – такое действительно невозможно придумать*»¹¹.

Вот, оказывается, как надо оценивать достоверность исторического материала. По степени его фантастичности, нелепости. То есть, чем более он неправдив, тем более правдив. От такой логики голова кругом идет. Напрашивается сравнение со знаменитым «верую, ибо абсурдно». Как известно, автор этой фразы, Тертуллиан, был религиозным фанатиком. Не хочется сравнивать веру в незыблемость постулатов монголоведения с религиозным фанатизмом, но очень похоже. А как иначе расценивать упорное невнимание историков к обстоятельствам, ставящим под сомнение эти постулаты?

Но вернемся к этим обстоятельствам. Это, вдобавок ко всему сказанному, отсутствие связи между «ставкой верховного главнокомандующего», т. е. Чингисхана и блуждающими за тысячи километров от нее по бескрайним просторам Азии и Восточной Европы туменами Чжебэ и Субэдэя.

Представьте себе следующую картину. Чингисхан гонимся за Джелал ад-Дином, сыном хорезмшаха Текеша, в Индии и Афганистане. Надо полагать, что перемещения его по данной территории будут спонтанными и непредсказуемыми, всецело зависимыми от намерений Джелал ад-Дина. В это же самое время войска Чжебэ и Субэдэя находятся на южном берегу Каспийского моря, куда их привела погоня за хорезмшахом. Тут они получают задание от Чингисхана продолжить завоевание западных стран, невзирая на завершение основной задачи – доведение хорезмшаха до смертоубийства. Надо полагать, нойоны перед этим отправили «главному» сообщение с соответствующим текстом. Пейджер и телеграф в то время не было, не говоря уже о мобильниках. Остается курьерская почта. Вопрос на засыпку. Как нашел курьер ставку

¹¹ proza.ru/2004/10/06-06

Чингисхана, не зная куда занесет того нелегкая? Добавим к этому, что курьерская почта на территории вражеского государства – вещь весьма ненадежная. Того и гляди на разъезд каких-нибудь курдов нарвешься, или тех же туркменов. Прирезали – и вся недолга. О расстояниях и говорить нечего. В то время Чингисхан находился в районе Балха, т. е. на расстоянии 1200 км от гавани Абескун! Да и «ям» монголы там не настроили. То есть, менять лошадей было негде.

Трудно понять, что заставляет верить подобным «свидетельствам» на протяжении веков.

Обратимся теперь к рассмотрению иных обстоятельств похода, или, как его еще называют, разведывательного рейда Чжебе и Субэдэя. Закончился он, как полагают, в Средней Азии в 1224 году, куда вернулись нойоны после поражения, нанесенного им камскими булгарами в 1223 году. Правда, Ибн ал-Асир утверждает, что отправились они оттуда не в Среднюю Азию, а в некий Саксин, «возвращаясь к своему царю Чингисхану». Но историки предпочитают не акцентировать на этом внимание, ибо это расходится с их версией. Помолчу и я об этом пока. Нас интересует здесь общая протяженность данного рейда. А составляет она ни много ни мало – 6000 км по вражеской территории. Продлилась эта эпопея всего ничего – четыре года, а сколько дел проделано хороших и разных! Но вот, что настораживает. Если наступление того же Наполеона на Москву, дальность которого составила две с лишним тысячи километров, в конце концов захлебнулось по совершенно естественным для такого рода предприятий причинам (партизаны грабят обозы, проблемы с продовольствием, холод, усталость), то монголы возвратились к «своему царю» с богатой добычей и обильными разведданными. В это можно было бы еще поверить, если бы их было неисчислимое множество и победы их носили «шапкозакидательский» характер. Но ничего этого нет. Как уже указывалось, практически во всех случаях численный перевес был на стороне противника. Выходит, побеждали «не числом, а умением»? Неужто их тактика была совершеннее?

Уместно вспомнить в этой связи о тактике боев Тевтонского ордена в Пруссии, Прибалтике и Северной Руси. Тем более что данные об этом вызывают гораздо больше доверия, нежели сообщения о проделках монголов.

Как известно, действия тевтонцев в захватываемых областях не носили характера походов. Они сначала закреплялись на границах с землями язычников, строили оборонительные сооружения, замки, остроги, т. е. создавали плацдарм для нападения, и только после этого совершали набеги на противника, причем, как правило, кратковременные.

Следующий отрывок из «Ливонской хроники» Германа Вартберга (XVIII в.) прекрасно иллюстрирует данную практику: «Тевтонский (немецкий) орден вследствие приглашения Конрада, князя мазовецкого, появился в Пруссии в 1228 году; рыцари вышли на правый берег реки Вислы у того места, где возвышался священный дуб язычников, и не замедлили укрепиться в этом пункте. Здесь в 1231 г. они заложили укрепленный город и назвали его Торном в знак того, что для них отворяются ворота в Пруссию (Thor – ворота). Язычники бросились разорять новую крепость, но тщетно: рыцари без особого труда отбили нападения и сами стали постепенно входить в земли пруссов; городки прусских старшин пали один за другим, и в занимаемых пришельцами землях в пунктах, мало-мальски важных в военном отношении, начали закладываться и возводиться крепкие замки»¹².

Ту же тактику использует и Ливонский орден в Прибалтике. Как известно, захват прибалтийских земель начался с возведения укрепления и основания епископства в Икскюле при впадении в Даугаву в 1186 году. Затем в 1200 году в устье Двины епископом Альбертом Буксгевденом был основан город Рига. Используя его как плацдарм, немцы впоследствии захватили почти всю Прибалтику, устраивали набеги на северорусские земли.

Еще один факт подобного рода. С целью захвата Новгорода буквально в 30 километрах от него зимой 1241 года немцами была сооружена крепость Копорье. Для того чтобы устранить

¹² Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. С. 219.

угрозу, новгородцам пришлось вызвать Александра Невского, который захватил и разрушил Копорье¹³.

Реальность подобных событий трудно оспорить. Сходным образом осваивали Сибирь и казаки-первопроходцы во главе с Ермаком. Именно осваивали, а не проходили как нож сквозь масло, наподобие монголов. Возведение острогов, используемых и как плацдарм для дальнейшего продвижения, и как госпиталь, и как укрытие от набегов аборигенов, – единственно возможная по тем временам практика, приносящая действенные результаты. В случае же с монголами ничего этого нет. Они осуществляли свои захваты, никак не закрепившись на завоеванной территории, не создавая ничего, даже отдаленно напоминающего плацдармы, выпадая, таким образом, из исторического контекста.

Монгольская эпопея, с использованной в ней тактикой походного марша, воспринимается как сказка.

Еще интересный момент. Войска Субэдэя и Чжебе вышли из Бухары в составе двух туменов (20 000 чел.). Пройдя победным маршем по территории Хорасана, Мазандарана, Аррана, Азербайджана, Ирака, Ширвана, Армении, разбив по различным сведениям 70– или 90-тысячное (!) войско грузинского царя Лаши, разгромив кипчаков, лезгин и аланов на Северном Кавказе, монголы с чувством исполненного долга очутились в Причерноморье. Логично было бы предположить, что сюда их войско попало изрядно потрепанным и поредевшим. Но только, если речь идет не о монголах! Ибо по отношению к нашим «богатырям», как трогательно величал их Л. Гумилев, общие правила не действуют. Это вам не «французишки» какие-то, войско которых, пройдя всего ничего – две с лишним тысячи километров – по направлению к Москве, рассеялось как дым. Наши «богатыри» в пути еще и несколько размножились. Их численность перед битвой на Калке оценивается в 25–30 тысяч сабель! Как могло такое случиться? Легко, – уверяют историки. Монгольское войско пополнялось за счет захваченных народов. То есть, кого разбили, теми же и пополнились. К примеру, остатки орд половецких ханов Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича, разбитых на Северном Кавказе в 1222 году вместе с аланами и лезгинами, в следующем году уже оказываются в составе монгольского войска.

Неужели в это можно поверить? А почему тогда французы не пополняли свои ряды в 1812 году за счет захваченных или перешедших на их сторону русских? Почему по отношению к ним не подействовал принцип «война сама себя кормит», будто бы применимый по отношению к монголам?

Впрочем, и на этот вопрос историки скорей всего найдут ответ. Что-то вроде того, что нежные французские желудки оказались неприспособленными к перевариванию незамысловатой русской пищи.

Это еще не все. После битвы на Калке монголы подались на Волгу, в Булгар, где наконец-то потерпели поражение от волжских народов в 1223 году. Причем биты оказались тем же примитивным способом, с помощью которого сами одержали множество побед, – притворным отступлением, заманившим их в засаду. Надо полагать, и из этой передрыги выбрались посвежевшими и похорошевшими? Не тут-то было! Вот, что рассказывает об этом Ибн ал-Асир: «Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними, и, заманив их до тех пор, пока они зашли на место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингисхану, и освободилась от них земля Кипчаков».

¹³ Там же. С. 17.

Итак, случилось невероятное. Монголы, пройдя с боями чуть ли не всю Азию и часть Восточной Европы, и только увеличивая при этом свою численность, в результате одной, не самой серьезной, битвы, потеряли едва ли не все свое войско!

Не иначе в рассказ Ибн ал-Асира вкралась опечатка.

Несколько слов о причинах монгольских походов. Точнее, два слова: их нет. Как минимум – их не видно. Т. е. они, конечно, называются, но при ближайшем рассмотрении оказываются надуманными. Речь вначале пойдет о причинах, связанных с основной профессией монголов. Не надо забывать, что они были в первую очередь пастухами. Кстати говоря, реальные причины монгольских завоеваний действительно связаны с одним из значений этого слова. Но об этом позже – в следующих разделах работы.

Короче говоря, нам внушают, что монголы-скотоводы, используя экстенсивный способ хозяйствования, все время нуждались в расширении своей пастбищной базы. Это, якобы, и толкало их к экспансионистской политике. Т. е. война была для них не самоцелью, а средством удовлетворения скотоводческих амбиций. Вот что говорит по этому поводу Р.П. Храпачевский: «Другим немаловажным фактором, толкавшим к внешней экспансии, была сама природа экономики кочевников – ведь она «может развиваться только за счет расширения используемых пастбищных ресурсов». Эта истина входит в сознание кочевника с малых лет – монгольская пословица гласит: «Без травы нет скота, без скота нет пищи»¹⁴.

Есть данные, будто бы подтверждающие эту гипотезу. По мнению того же Р.П. Храпачевского, «вначале у монголов не было ясного понимания, что следует делать с этими территориями»¹⁵. Т. е. надо полагать, именно захват пастбищ и был первоначальной целью их вторжений. На это указывает и следующий случай. Один из монгольских нойонов, Беде, так высказался о захваченных китайских землях: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех. Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища!»¹⁶ И только потом, в ходе завоеваний, *post factum*, к монголам пришло осознание того, что кроме скотоводчества есть и другой, причем, гораздо более прибыльный бизнес, – рэкетирство.

Вот, как описывает эту трансформацию Р.П. Храпачевский: «В ходе первых своих вторжений в Северный Китай они ограничивались грабежом и уводом к себе полезных людей, затем установили систему взимания дани. Первоначально дани требовались произвольно – по мере appetитов конкретного военачальника, подошедшего к тому или иному цзиньскому городу. Но вскоре, видимо, была установлена норма в 0,1 от имущества покоренных, которую европейские очевидцы застали вполне зафиксированной. К оседлому населению, как и к кочевникам, монголы довольно быстро стали применять стандартные требования по набору людей в монгольскую армию и прочим повинностям – примеры этого были рассмотрены выше»¹⁷.

При всем уважении к автору, книгу которого считаю подлинной энциклопедией монголоведения, позволю себе не согласиться. Ни история, ни современность не дают примеров подобных метаморфоз. Трудно представить скотовода, вдруг ставшего рэкетиром. Еще труднее представить вооруженного до зубов бандита, попутно занимающегося малоприбыльным производительным трудом. Будь монголы изначально скотоводами, им незачем было бы брать хорошо укрепленные города. Ведь вокруг была масса незаселенных территорий с прекрасными пастбищами.

Будь они скотоводами, они быстро решили бы, что делать с разоренными русскими княжествами. Но ничего подобного не произошло: они не знали, что с ними делать. Их первоначаль-

¹⁴ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 119.

¹⁵ Там же. С. 155.

¹⁶ Там же. С. 120.

¹⁷ Там же. С. 155

чально даже данью не обложили. «В течение 20 лет после Батые, – пишет Л.Н. Гумилев, – с северных русских княжеств никакой дани, податей, налогов монголы вообще не взымали»¹⁸.

Уж не говорит ли это о том, что их также собирались превратить в пастбища, а потом передумали? Пройти огнем и мечом Поднебесную, обратить в пепел империю хорезмшаха, превратиться, наконец, в «жандармов» Восточной Европы – и все это только для того, чтобы установить непригодность этих территорий для целей животноводчества? Это уж слишком. Скотоводческая гипотеза нуждается в срочном переосмыслении.

В качестве предполагаемой причины монгольской экспансии в работах исследователей часто звучит и мотив мести. О мести хорезмшаху уже говорилось. В этой части сообщения источников более или менее убедительны. Этого не скажешь о мести кипчакам. Здесь летописцы и их комментаторы откровенно «путаются в показаниях». Вот, что можно прочесть по этому поводу у Л. Гумилева: «Их вражда началась в 1216 году, когда половцы приняли кровных врагов Чингиза – меркитов. Антимонгольскую политику половцы проводили крайне активно, постоянно поддерживая враждебные монголам финно-угорские племена. При этом степняки-половцы были столь же мобильными и маневренными, как и сами монголы. А то, что путь от Онона до Дона равен пути от Дона до Онона, Чингисхан понимал прекрасно. Видя бесперспективность кавалерийских сшибок с половцами, монголы применили традиционный для кочевников военный прием: они послали экспедиционный корпус в тыл врагу.

Талантливый полководец Субэдей и знаменитый стрелок Джебе повели корпус из трех туменов через Кавказ (1222). Грузинский царь Георгий Лаша попытался атаковать их и был уничтожен со всем своим войском. Монголам удалось захватить проводников, которые указали путь через Дарьяльское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Так они вышли в верховья Кубани, в тыл половцам. Здесь монголы столкнулись с аланами. К XIII в. аланы уже потеряли свою пассионарность: у них не осталось ни воли к сопротивлению, ни стремления к единству. Народ фактически распался на отдельные семьи. Измученные переходом монголы отнимали у аланов пищу, угоняли лошадей и другой скот. Аланы в ужасе бежали куда попало. Половцы же, обнаружив врага у себя в тылу, отступили к западу, подошли к русской границе и попросили помощи у русских князей»¹⁹.

Итак, весь этот кровопролитнейший поход «от Онона до Дона» (и, добавлю от себя – от Дона до Калки), изначально затевался из-за мести половцам, ради чего, якобы, и был «послан экспедиционный корпус в тыл врагу»! А как расценивать тогда вторжение в Хорезм, погоню за хорезмшахом, покорение Кавказа и прикаспийских территорий? Как преамбулу к монгольской мести, досадное недоразумение на пути к поставленной цели? Оказывается, попытки «разобраться» с половцами на месте – бесперспективны, а вот многокилометровый (около 5 тыс. км) поход к ним «в тыл» с боями, захватом огромных территорий, многочисленными жертвами, причем не напрямую, а обогнув южную оконечность Каспия – самое, что ни на есть идеальное решение.

О таких «мелочах», как возможность «измученных переходом монголов» отнимать у несчастных аланов пищу и скот, и говорить не стоит. Объяснение этому можно найти разве что в мистической «пассионарности». «Тыл» вообще заключаю в кавычки, поскольку не в тыл они попали к половцам, а в «подбрюшье». Ведь территория последних, если уж до конца верить преданиям, не ограничивалась Доном, а простиралась аж до Кумании венгерской. А, кстати, почему монголы решили, что «тыл» их соседей по алтайской прародине находится на Дону? И как это согласуется с тем, что рейд был разведывательным, т. е. монголы заранее не знали, что их ждет в конце?

¹⁸ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экспресс, 1992. С. 122.

¹⁹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 115.

Поразительно, но и у маститых историков встречаются подобные перлы. Имеется в виду не только Л. Гумилев. Уже стало традицией рассматривать половцев, как народ, занимающий территорию чуть ли не от Тихого океана аж до отрогов Карпат, территорию протяженностью 6000 км. Что – опять империя? Но археологами на этой огромной территории не обнаружено археологической культуры, принадлежащей в данный период какому-либо одному этносу. Это значит, что выйдя в верховья Кубани, монголы столкнулись с совершенно другим народом, отличным от их алтайских кровников, и не обязанным, поэтому, отвечать за их грехи.

Представьте себе недоумение половцев, которым мстят непонятно за что, да еще и объявляют своими «холопами и конюхами» какие-то заезжие головорезы! Все сказанное имеет смысл и в допущении, что донские половцы состояли-таки в каком-то родстве с алтайскими. Даже в этом случае они не должны были отвечать за их действия, уже хотя бы в силу своей удаленности от Алтая. Да и смысл кровная месть обретает только на уровне личностей. История не дает примеров мести народа другому народу.

Все это должно иметь другое объяснение.

Видимо, стоит здесь привести сообщение Л.Н. Гумилева о происхождении половцев: «К востоку от гузов, в лесостепной полосе от Иртыша до Тобола, обитали кимаки. Восточные авторы, как мусульманские, так и китайские, именуют их кыпчаками. Они были многочисленны и имели свою родовую организацию: во главе их стоял хакан, имевший 11 подручных сборщиков податей. Летняя ставка его находилась в городе Камания, местонахождение которого неизвестно, видимо это был город из войлочных юрт. Когда кимаки в середине XI в. проникли в Приднепровье, русские называли их «половцами» за светлый цвет волос (полова – рубленая солома), но в западноевропейских языках за ними сохранился этноним – команы. Это был смешанный народ, сложившийся из потомков среднеазиатских хуннов – чумугунь, кыпчаков и канглов. Канглы – остатки населения древнего Кангюя, а кыпчаки – западная отрасль динлинов, европеоидного народа, жившего в Минусинской котловине еще до нашей эры. За 200 лет подчинения тюркютам и те и другие стали тюркоязычными (впрочем, я полагаю, что кыпчаки всегда таковыми были) и слились в один народ, который, по словам Шихаб ад-дина Яхьи, географа XIV в., отличался «от других тюрков своей религиозностью, храбростью, быстротой движения, красотой фигуры, правильностью черт лица и благородством»²⁰.

Из этого сообщения следует, что половцы прибыли на Дон и в Приднепровье в результате распада Кимакского каганата в XI веке, т. е. задолго до начала монгольских завоеваний и не в связи с ними, как полагают некоторые авторы. Следовательно, эти половцы никакого отношения к оставшимся в Прииртышье не имели, и за время от распада Кимакского каганата до появления монголов на Дону в 1222 году, неизбежно должны были выделиться в самостоятельный по отношению к другим половецким объединениям народ. Это подтверждает идею полной бессмысленности поиска монголами своих кровников за тысячи километров от очага конфликта.

Между тем, Л. Гумилев с упорством, достойным лучшего применения, выдвигает месть половцам и в качестве причины так называемого «Великого западного похода» монголов на Русь, в Чехию, Польшу, Венгрию. Это вообще ни в какие рамки не лезет. Ведь была же, в конце концов, битва на Калке. Неужто не напились там всласть крови половецкой?

Выходит, что нет. «Победа на Калке, – утверждал Л. Гумилев, – не означала окончательного разгрома половцев. А поскольку военная политика монголов формировалась в соответствии с принципом, сформулированным Чингисханом: «Война кончается с разгромом врага», борьбу с половцами следовало продолжать... Курултай монгольских нойонов, собравшийся в

²⁰ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1992. С. 71.

1235 г. на берегу Онона, в районе современного Нерчинска, решил довести борьбу с половцами до конца. Начался Великий западный поход»²¹.

Только представьте себе. В 1216 году половцы «провинились» перед монголами дружбой с меркитами. И все это время, вплоть до курултая 1235 года, монголов испепеляет «одна, но пламенная страсть» – ненависть к половцам! Ради мести оным и скотоводство забросили, и воинскому искусству у тангутов и китайцев обучились. Может и хорезмшаха за то преследовали, что его мать, Теркен-хатун, была кипчакской княжной? Не слишком ли много ради одной-единственной цели, не сулящей к тому же, в случае ее достижения, никаких выгод?

Как ни крути, а месть половцам – мотив, негодный для объяснения происшедшего. Об этом говорит и Чивилихин на страницах книги «Память»: «Но если первый «камешек» завоевательной лавины – бегство меркитов под защиту половцев, за что монголы должны были непременно отомстить, «ради чего и появились в донских степях в 1223 году», то ради чего они появились в степях и горах, принадлежавших киданям, меркитам, найманам, в государствах чжурчженей и тангутов, в Корее, Индии, на землях афганцев, персов, азербайджанцев, Грузии, Сирии, Армении, Китае, Польше, Моравии, Далмации, в Поднестровье, Тибете, Бирме, Вьетнаме, у японских берегов и даже на острове Ява? Ради чего они на обширных просторах Евразии творили неслыханные жестокости?»

В рамках концепции Л. Гумилева и его последователей на эти вопросы ответа нет. Трудно поверить и в природную склонность монголов к насилию – ответ, предлагаемый Чивилихиным и другими монголофобами. История не дает примеров какой-то особой жестокости того или иного народа по сравнению с другими.

А вот еще одна, часто упоминаемая «причина» монгольских завоеваний – выполнение завета Чингисхана о походе к «последнему морю». Это вообще не поддается объяснению. Целый народ вдруг снялся с насиженных мест и двинулся, сокрушая все на своем пути, к некоему «последнему морю», выполняя завет своего вождя.

Что, опять коллективное умопомрачение? Вряд ли. Скорее неправильный комментарий к плохо освещенным событиям...

²¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экопрос, 1992. С. 117.

Глава вторая. Татары: пастухи или пастыри?

2.1. Чудовища вида ужасного...

Самое время поговорить о подлинной сущности «монголов» и о реальных причинах их завоеваний. Узнать об этом можно из тех же самых источников, из которых черпали свое вдохновение авторы традиционной истории.

И вот выясняется, что эти авторы привнесли в свои опусы много отсебятины, тогда как вещи, действительно могущие пролить свет на положение дел в этой области, оказались вынесенными за скобки.

Так, только недавно стал достоянием гласности тот факт, что монголы были христианами. А ведь свидетельствами об этом просто пестрят первоисточники! Почему бы историкам не строить свои теории с учетом данных сведений? Но еще со времен Рубрика и Матвея Парижского²² стала расхожей сказка о «звериной» сущности монголов, сформировалось представление о них, как о кровожадных, неотесанных увальнях. А раз дикари, значит, нехристи. В самом деле, откуда взяться христианству у существ, описанных ниже: «...с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания. Их предводитель утверждает, что он – посланец всевышнего бога, [для того], чтобы подчинить [и] усмирить народы, восставшие против него. А головы у них слишком большие и совсем несоразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим...

...В тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами, и пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара (почему и названы тартарами, будто «[выходцы] из Тартара»), словно саранча кишели они, покрывая поверхность земли...

Они люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, [ибо] они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают [его]... Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей... Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду...».

²² Матвей Парижский (род. ок. 1200 г.) – монах бенедиктинского монастыря в Сент-Олбансе (Англия), хронист, к числу произведений которого принадлежат «Великая хроника (Chronica major), «История англов или Малая хроника (Historia anglorum or Chronica minor), «Деяния аббатов Сент-Олбанского монастыря» (Gesta abbatum Sancti Albani) и некоторые др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.